

УДК 811.161.1'373

ББК (Ш)81.2.Рус-3

НОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СТАРЫХ СЛОВ
(корпусное исследование на материале повседневной русской речи)*

Н. А. Осмак

Процессы, происходящие в настоящий момент в русской разговорной речи, характеризуются многими лингвистами как «хаотические» [Скляревская 1996: 463; Крысин 2008: 110], что заставляет вспомнить о теории Е. Д. Поливанова, утверждавшего, что в период различных социальных потрясений *эволюционные* изменения в языке приобретают *революционный* характер. Сложно сказать, насколько понятие «революционности» применимо к языку, который является достаточно стабильной системой, однако несомненно, что эта теория справедлива по отношению к речи.

И действительно, в русском культурном и языковом пространстве произошла своеобразная «переоценка ценностей», проявившаяся, в том числе, в смене нормативных основ литературного языка. В настоящий момент наблюдается значительная коллоквиализация публичных сфер общения, насыщение их разговорными элементами [Крысин 2008: 110], что, в свою очередь, привело к изменению разговорной речи, которая была и остается «кузницей» языка. Многие явления, первоначально появившись в речи, в дальнейшем проникают в общий литературный фонд языка. Это делает актуальным изучение современной русской разговорной речи, особенно ее лексических ресурсов, а также выводит на первый план ее словарное описание, поскольку «именно совокупность лексикографических изданий отражает языковой облик эпохи, представляет наиболее существенные изменения в лексиконе современной языковой личности» [Черняк 2004: 131]. В то же время неоднократно отмечалось, что именно живая речь как подвижная, постоянно изменяющаяся система коммуникации, должна стать материальной базой не только для лингвистических исследований, но и для преподавания русского языка в любой аудитории

[Богданова и др. 2010: 1499]. Наличие же актуальных словарей русской разговорной речи позволило бы сделать процесс обучения более эффективным, поскольку в таком случае лексикографические издания были бы построены в соответствии с основным принципом современной методики — принципом коммуникативности.

Возможность комплексного лексикографического исследования спонтанной речи предоставляет создаваемый в настоящее время на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета Звуковой корпус русского языка (ЗКРЯ) [Богданова и др. 2008], в пользу обращения к которому говорит и то, что именно корпусный подход «отражает точку зрения многих лингвистов на то, каким должно быть адекватное “эмпирическое” изучение языка» [Meuer 2004: 141].

Звуковой корпус русского языка состоит из двух блоков. Один является сбалансированным по различным параметрам: социологическим, психологическим и лингвистическим, т. е. информанты для записи отбирались по довольно строгим критериям, а весь звучащий материал реализован в рамках нескольких *коммуникативных сценариев*:

- *чтение* (сюжетного и несюжетного исходных текстов);
- *пересказ* (сюжетного и несюжетного исходных текстов);
- *описание* (сюжетного и несюжетного изображений);
- *свободный рассказ* на заданную тему (знакомую и незнакомую).

Однако данный блок остается за рамками настоящего исследования, поскольку речь, представленная в нем, является все же *экспериментальной* (заданной исследователем и ограниченной определенными рамками, не полностью естественной) [Чуйко 2011].

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Изучение зависимости речевых характеристик от условий коммуникации (корпусное исследование на материале повседневной русской речи)» (проект 10-06-00300).

Второй блок получил название «Один речевой день» (далее — ОРД). Целью этой части проекта является создание базы русской спонтанной речи, записанной в максимально естественных условиях, что подразумевает выполнение следующих требований:

- 1) отсутствие внешнего влияния на речевое поведение говорящего;
- 2) отсутствие искусственно созданных, нехарактерных для информанта ситуаций.

Иными словами, информант, осуществляя запись, не меняет обычного распорядка дня, не изменяет своим привычкам и не стремится повлиять на ход записи. Кроме этого, целью ОРД не является представление русского языка во всем многообразии его форм и проявлений. Внимание его создателей сконцентрировано на изучении бытового языка, речевого поведения средне-статистического обывателя. Такой подход позволяет получить своего рода «речевой срез» современного общества, а значит, также требует соблюдения определенных критериев при отборе информантов:

- 1) русский язык должен быть родным для говорящего;
- 2) отсутствие влияния диалекта;
- 3) отсутствие влияния определенной профессии, т. е. информанты должны быть представителями разных профессий;
- 4) более или менее сбалансированный состав информантов по возрасту и гендеру.

Методика 24-часовой записи, используемая при формировании данного блока ЗКРЯ, обеспечивает почти полную свободу говорящего от диктофона или от тех или иных коммуникативных заданий; в результате материалом исследования становится живая, максимально естественная повседневная, речь носителя русского языка.

В настоящее время лексикографическое описание спонтанной речи на основе звучащего материала ведется в различных направлениях, среди которых можно отметить создание словарей контекстных экспрессем русской разговорной речи, дискурсивных единиц и редуцированных форм [Богданова, Осьмак 2011]. Однако наибольший интерес представляет создание словаря русской разговорной бытовой речи, поскольку ни один из существующих словарей не дает возможности в полной мере проследить особенности употребления лексических

единиц в современной спонтанной речи носителей языка.

Думается, что работа над таким словарем может осуществляться различными способами. Во-первых, через описание наиболее частотных лексем — и здесь в первую очередь встает задача выявления основных проблем такого описания и конкретных тенденций лексических изменений, подлежащих лексикографической фиксации. Во-вторых, через детальный и разноаспектный анализ отдельных лексико-семантических групп. Несмотря на кажущуюся логичность первого пути — обращения к «верхушке» частотного словника как к основному материалу такого описания, от него пока приходится отказаться. Это объясняется, в частности, тем, что наиболее частотные лексемы словника ОРД представляют собой, в основном, служебные слова, хезитативы и другие дискурсивные единицы, а значит, лексикографическое описание таких «слов» приведет к созданию не словаря русской разговорной бытовой речи, а, скорее, словаря дискурсивных единиц. Второе же направление — анализ отдельных лексико-семантических групп — напротив, ставит во главу угла семантику слова, а не его функции, и позволяет проследить семантические, коннотативные и стилистические изменения в употреблении тех или иных лексем. Работа в этом направлении уже позволила получить ряд интересных результатов.

Так, был проведен контрастивный анализ функционирования в речи двух групп русских слов сравнительно небольшого объема — единиц, обозначающих лица женского и мужского пола [Андросова, Чен 2010]. Анализ материала (около 80 единиц) показал, что значения или особенности функционирования некоторых лексических единиц данной лексико-семантической группы в современной русской спонтанной речи оказываются во многом отличными от традиционных словарных дефиниций. Одному из таких явлений и посвящена настоящая статья.

В ходе сопоставительного анализа употребления данной группы лексических единиц в расшифровках ОРД и в словарях русского языка интересными оказались употребления форм *девочки* и *девчонки* (только во мн. ч.) в значении ‘лицо одного возраста с говорящим’, например:

- *я жалею / что я не пошла с девочками / девочки как раз ходили на концерт / а я чем-то была развлечена другим;*
- *я вот этой (...) по совету девчонок / они же опытные / всё знают // купила вчера капли анти... антибиотические // специальный антибиотик // ага !*
- *у меня вот приличные девочки / таких вещей не рассказывают;*
- *так нет / так у нас было то / давно ещё / в Испании / *В (э-э) там девчонки были / одна / *П такая () русичка бл... блондинистая / а другая татарочка чёрненькая // *В а они перепутали паспорта // и *Н говорит / вы говорит девочки / вы так это / нас так примитивно проверяете ?*
- *пф... где-то в час ночи наверное // ну что я пришла(:) (э-э-э) девчонки(:) ждали *Н / чай попить // *П вчера мы ведь безъ день говели.*

Малый академический словарь ограничивает возрастные рамки для данных лексем, определяя их как 'ребенок или подросток женского пола' [Словарь русского языка, I 1999: 375]. Однако из приведенных контекстов отнюдь не следует, что *девчонка* или *девочка* — именно ребенок. С равной степенью вероятности речь может идти как о семилетнем ребенке, так и о пятидесятилетней женщине.

Любопытно, что лексема *мальчик* (как в ед., так и во мн. ч.) в подобном значении употребляется значительно реже, чем *девочки/девчонки*. Ее значение можно определить, скорее, как 'лицо одного возраста с говорящим или младше':

- *там сели поехали / собралась / там как бы / компания там / четыре девчонки из Питера там / мальчик потом подсоединился из Москвы // ну вот как бы / тусили // а / прикольно // нормальные ребята такие.*

Предварительные наблюдения показали, что употребление данных лексем (и *девочки/девчонки*, и *мальчик*) характерно преимущественно для женской речи. В этой связи уместно вспомнить, что в последнее время исследования речи мужчин и женщин на различных уровнях (фонетическом, морфологическом, лексическом и пр.) подтвердили наличие существенных различий между тем, как говорят мужчины, и тем, как говорят женщины.

Так, например, Е. А. Земская, М. А. Кистайгородская и Н. Н. Розанова выделяют

следующие просодические черты, в большей мере свойственные женщинам, чем мужчинам: более высокий уровень основного тона; более широкий голосовой диапазон; способность более свободно менять голосовой регистр, широкое использование скользящих нисходящих и восходящих тонов, а также сложных восходяще-нисходящих или нисходяще-восходящих тонов в пределах одного ударного слога; меньшая громкость; придыхание, лабиализация, назализация. Женщины также чаще прибегают к выражению своих эмоций с помощью интонации, в то время как мужчины предпочитают использовать лексические средства [Земская и др. 1993].

Исследования И. Н. Кавинкиной, посвященные различиям мужской и женской речи на морфологическом уровне, показали, что женщины, по сравнению с мужчинами, используют большее количество суффиксов со значением уменьшительности, ласкательности. Причем диминутивы, встречающиеся в письменной речи женщин, в большинстве своем содержат в качестве словообразующих формантов суффиксы *-очк-*, *-ечк-*, *-к-*, *-ик-*, *-еньк-*, в то время как для мужской письменной речи характерен иной набор подобных суффиксов: *-к-*, *-ок-*, *-ик-*, *-очк-* [Кавинкина 2007].

Именно лексический уровень считается наиболее подверженным влиянию гендерных стереотипов, что отражается на разной степени владения говорящим лексикой различных тематических групп. Считается, что в бытовых ситуациях для мужской речи характерна тенденция к точности номинации, терминологичности словоупотребления. Женщины в таких случаях часто используют приблизительные обозначения. Мужской речи, по сравнению с женской, свойственна тенденция к использованию экспрессивных, обычно стилистически сниженных, средств, в то время как типичной стилистической характеристикой женской речи является тенденция к гиперболизированной экспрессии, что подтверждает тезис о том, что женскую речь отличает от мужской более высокая концентрация в текстах эмоционально-оценочных слов и конструкций [Земская и др. 1993: 120—123, 129—131].

Однако для подтверждения выводов как о значении лексем *девочки/девчонки* и *мальчик*, так и о преимущественной тенденции их употребления в женской речи целесообразно все же обратиться к *ментальному*

лексикону носителей языка. Изначально под этим термином, введенным в 1966 г. психологом Р. Ч. Олدفилдом, понималась совокупность слов, хранящихся в долговременной памяти человека, посредством которой в процессе восприятия речи осуществляется доступ к лексической информации [Oldfield 1966]. В настоящее время, в связи с появлением большого количества экспериментальных исследований в данной области, наблюдается постепенное изменение значения термина. Наиболее удачным представляется определение, предложенное А. А. Залевской, по которому ментальный лексикон является сложной многоярусной системой пересекающихся полей, представляющих собой упорядоченную по разным основаниям информацию как о явлениях действительности, так и о связанных с ними языковых единицах, сложную сеть взаимосвязей, увязывающую огромное количество знаний в памяти человека [Залевская 1990: 87—88].

В нашем случае для обращения к ментальному лексикону носителей языка был проведен опрос, в котором респондентам предлагалось на основании контекста определить значение лексем *девочки/девчонки* и *мальчик*, а также отметить, кто, по их мнению, является автором реплики: мужчина или женщина. При этом была произведена определенная коррекция текста, а именно: заменены формы глаголов прошедшего времени на настоящее или будущее время, чтобы исключить очевидность мужской/женской речи.

В качестве материала для эксперимента были приведены следующие примеры из ОРД:

- *я вот этой (...) по совету **девчонок** / они же опытные / всё знают // куплю капли анти... антибиотические // специальный антибиотик // ага !*
- *у меня вот приличные **девочки** / таких вещей не рассказывают;*
- *так нет / так у нас было то / давно ещё / в Испании / *В (э-э) там **девчонки** были / одна / *П такая () русичка бл... блондинистая / а другая татарочка чёрненькая // *В а они перепутали паспорта // и *Н говорит / вы говорит девочки / вы так это / нас так примитивно проверяете ?*
- *пф... где-то в час ночи наверно // (э-э-э) **девчонки**(:) ждали *Н / чай попить // *П вчера мы ведь безъ день говели;*

- *так вот у нас был **мальчик** / который работал / у нас все работали () в равных / *П совершенно одинаково :) / и так далее;*
- ***мальчики** / встаем на завтрак;*
- *ну да / а они значит собираются / там типа / там кто едет в Финляндию / там типа / мы едем в Финляндию / там давайте поехали // *П там сели поехали / собралась там / компания там / четыре **девчонки** из Питера там / **мальчик** потом подсоединился из Москвы // ну вот как бы / тусили // *П а / прикольно // *П нормальные ребята такие // вполне // *П ну вот / так что.*

В опросе приняли участие 40 испытуемых (10 мужчин и 30 женщин) с различным уровнем образования (неоконченное высшее, высшее, кандидаты и доктора наук, филологи и нефилологи) и разного возраста (от 17 до 73 лет).

Респонденты были единодушны в отношении семантики лексем *девочки* и *девчонки*, указав, что в данных контекстах все они используются для обозначения ‘лица женского пола одного возраста с говорящим или младше’. Иная ситуация сложилась с лексемой *мальчик*. Можно сказать, что в данном случае мнения респондентов разделились в зависимости от их гендерной принадлежности. Так, 85 % (подавляющее большинство) женщин отметили, что данная лексема употребляется в значении ‘лицо мужского пола одного возраста с говорящим или младше’ (что объединяет данную единицу с двумя первыми), в то время как абсолютное большинство мужчин (100 %) и оставшиеся 15 % женщин полагают, что под *мальчиком* подразумевается ‘лицо мужского пола младше говорящего (пусть и незначительно)’.

Таким образом, полученные данные позволяют с большой долей уверенности утверждать, что в разговорной речи зафиксировано одно новое значение для лексем *девочки/девчонки* и два новых значения для лексемы *мальчик*. От чего же зависит выбор того или иного значения *мальчика*? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться ко второй части проведенного опроса.

При ответе на вопрос, для чьей речи — мужской или женской — характерно употребление лексем *девочки/девчонки* и *мальчик* в данных значениях, респонденты предложили следующие варианты (см. табл.).

Таблица. Результаты опроса респондентов

	Девочки/девчонки	Мальчик
Характерно только для женской речи	55 %	87 %
Характерно только для мужской речи	-	-
Характерно в равной степени для мужской и женской речи	45 %	3 %

Как видно из таблицы, лексемы *девочка* и *девчонка* в равной степени могут характеризовать и женскую, и мужскую речь, однако в ментальном лексиконе носителей языка их употребление ассоциируется все же в большей степени с женской речью. Интересно при этом, что респонденты отмечали, что использование этих лексем в мужской речи присуще определенным возрастным группам, а именно молодежи (до 25 лет) и людям пожилого возраста (после 60 лет).

Употребление же лексемы *мальчик*, на первый взгляд, однозначно характеризует женскую речь. Лишь 3 % опрошенных считает, что мужчины также могут использовать данную лексему в своей речи, но только если речь идет о человеке младше их. И действительно, для обозначения лица мужского пола одного возраста с говорящим мужчины употребляют обычно совсем другие слова, ср.:

- *и мы же мужики / друг друга понимаем // # бежит к тебе / знает // *П так значит там лучше;*
- *— а есть полтаха* ? по полтахам разменять ? — вон спроси / может парни разменяют ?*
- *пацаны-то рубят же в этом деле.*

Подводя итоги, можно сказать, что в современной русской бытовой разговорной речи появились новые значения лексем *девочка/девчонка* и *мальчик*, которые можно охарактеризовать следующим образом:

1) *девочки/девчонки* — ‘лицо женского пола одного возраста с говорящим или младше’; характерно преимущественно для женской речи, а также для речи определенных возрастных групп мужчин (до 25 и после 60 лет);

2) *мальчик* — ‘а) лицо мужского пола одного возраста с говорящим или младше’, характерно только для женской речи; ‘б) лицо мужского пола младше говорящего’, характерно для мужской речи.

Думается, что в словаре *русской бытовой разговорной речи* подобные нюансы употребления лексических единиц должны найти свое отражение, что позволит сделать

процесс обучения русскому языку более эффективным, поскольку учащиеся будут иметь возможность работать с актуальными лексикографическими источниками.

Сокращения

ЗКРЯ — Звуковой корпус русского языка;
ОРД — Один речевой день.

Литература

- Андросова Н. А., Чен Ч. В. О возможностях лексикографического описания русской спонтанной речи // *Современные коммуникации: Язык. Человек. Общество. Культура*. Сб. ст. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2010. С. 231–235.
- Богданова Н. В., Асиновский А. С., Русакова М. В., Степанова С. Б., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: Концепция и состояние формирования // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Вып. 7(14). По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2008) / гл. ред. А. Е. Кибрик. М.: Изд-во РГГУ, 2008. С. 488–494.
- Богданова Н. В., Степанова С. Б., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус как основа для лингвистических исследований и преподавания русского языка // II Международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы». Гранада, 8–10 сентября 2010 г. К 55-летию преподавания русского языка в Испании. Том II. Доклады и сообщения / R. G. Tirado, L. Sokolova, I. Votyakova (eds.). Granada: Granada University Press, 2010. С. 1499–1502.
- Богданова Н. В., Осмак Н. А. О некоторых лексических «открытиях» на материале русской спонтанной речи (корпусное исследование) // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»* (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.). Вып. 10 (17) / отв. ред. А. Е. Кибрик. М.: Изд-во РГГУ, 2011. С. 110–123.
- Залевская А. А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. 206 с.
- Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской

- речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 90–136.
- Кавинкина И. Н. Проявление гендера в речевом поведении носителей русского языка. Гродно: Изд-во ГрГУ, 2007. 153 с.
- Крысин Л. П. Некоторые принципы словарного описания русской разговорной речи (Постановка задачи) // Русский язык в научном освещении. № 2 (16) 2008. М.: Изд-во «Языки славянской культуры», 2008. С. 110–118.
- Скляревская Г. Н. Русский язык конца XX века: версия лексикографического описания // Словарь. Грамматика. Текст: Сб. ст. / отв. ред. Ю. Н. Караулов, М. В. Ляпон. М.: Ин-т рус. яз., 1996. С. 463–472.
- Словарь русского языка в четырех томах. Том I. А-Й / гл. ред. четвертого издания А. П. Евгеньева. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 702 с.
- Черняк В. Д. Современная лексикография как зеркало социальной жизни современной России // Современная русская речь: состояние и функционирование. Сборник аналитических материалов / под ред. С. И. Богданова, Л. А. Вербицкой, Л. В. Московкина, Е. Е. Юркова. СПб.: Издат. дом «МИРС», 2004. С. 131–155.
- Чуйко В. М. О четырех степенях естественности устной спонтанной речи (данные аудиторского эксперимента) // Материалы XL международной филологической конференции. Вып. 24. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. 23–25 марта 2011 г. Санкт-Петербург / отв. ред. А. С. Асиновский, науч. ред. Н. В. Богданова. СПб.: Изд-во Фил. факта СПбГУ, 2011. С. 222–229.
- Meyer C. F. English Corpus Linguistics: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 168 p.
- Oldfield R. C. Things, Words, and the Brain // Quarterly Journal of Experimental Psychology. Psychology Press, 1966. Vol. 18. P. 340–353.

УДК 811.512.37'271.2 + 811.111'271.2

ББК Ш100.3 (2 Рос.Калм) + Ш164.3-5 + Ш143.21-5

ГЕНДЕР И РОДСТВО В КАЛМЫЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКОЙ

А. В. Радионов

Ряд культурологов отмечает, что язык в современном языкознании служит не только объектом изучения и освоения, но и «носителем», «зеркалом» культуры [Гендер 2011: 6]. В фокусе зрения лингвокультурологов лежат элементы культуры, которые отражают, формируют информацию при помощи языка. Одним из таких элементов является гендер — социокультурный конструкт, аккумулирующий представления о мужественности и женственности, характерные для общества в определенный период его развития.

Эдвин и Ширли Арденер писали: «В любом обществе существуют господствующие (*dominant*) способы выражения, создаваемые доминирующими в нем структурами. В любой ситуации “слушают” и “слышат” лишь доминирующий способ выражения,

лишенная голоса группа (*muted group*) в любом контексте должна выражать себя в терминах доминирующего способа, а не той модели выражения, которую она могла бы создать сама» [Гендер 2011: 9]. Очевидно, что под лишенной голоса группой следует понимать женщин. С 70-х гг. прошлого столетия, что совпало со временем зарождения гендерной лингвистики, была предпринята серия попыток предоставить слабому полу голос в языке, а иногда и изменить сам язык. В частности, можно привести один пример крайней интерпретации теории Арденеров, отраженной в работе представительницы радикальной гендерной лингвистики Мери Дэйли, которая призывала отказаться от слова *history* в пользу *herstory* из-за якобы включения в состав первого гендерно маркированного элемента *his* «его». Кроме ча-